

Восстановление Цзян Чжо проходило очень успешно. Изначально предполагалось, что ему потребуется как минимум три месяца, чтобы начать ходить с костылями самостоятельно, однако на это ушло меньше полутора месяцев. Судя по текущему прогрессу, возможно, даже до истечения трех месяцев он сможет восстановить нормальную походку.

Когда Ян Сы увидела, как Цзян Чжо самостоятельно поднялся и, опираясь на костыли, направился к ней, она, закрыв рот ладонью, разрыдалась от счастья. Цзян Чэнь, стоя рядом, молча обнял ее за плечи, а затем протянул другую руку, чтобы встретить отца, который, ускорив шаг, обнял жену и сына.

Ши Фэньюэ стоял у входа в реабилитационный центр, молча наблюдая за тремя фигурами, обнявшимися неподалеку. Простояв так с полминуты, он полуопустил длинные ресницы, развернулся и ушел.

Боковым зрением Цзян Чэнь заметил мелькнувшую фигуру Ши Фэньюэ, отпустил родителей и с улыбкой сказал:

— Папа, вы с мамой отдохните немного, я пойду куплю напитков.

— Хорошо, — с широкой улыбкой ответил Цзян Чжо, прислонив костыли к лавке и медленно опускаясь на нее. Выпрямившись, он подмигнул сыну:

— Принеси мне что-нибудь повкуснее.

Цзян Чэнь усмехнулся, приподняв бровь в сторону матери, и, как и ожидал, услышал ее возмущенный голос:

— Цзян Чжо, ты только-только встал на ноги и уже зазнался, да?

— Я всего лишь попросил сына купить мне напиток! — Цзян Чжо, высокий и крупный мужчина, сидел на диване, но на его мужественном лице читалась обида:

— Разве это зазнайство?

Увидев жалобное выражение на лице мужа, Ян Сы сначала рассердилась, но потом не смогла сдержать смех:

— Ты думаешь, сын купит тебе? Ты забыл, кто в прошлый раз обнаружил, что ты тайком курил? И кто почувствовал запах алкоголя, когда ты выпил с соседом по палате? Я тебе говорю, Чэньчэнь на моей стороне, так что не пытайся его сбить с пути.

Цзян Чжо поднял голову, удивленно и с внезапным пониманием:

— Вот почему твоя мама узнала, хотя ее не было в больнице! Значит, это ты ей доложил?

Цзян Чэнь улыбался невинно и безобидно, а Цзян Чжо хлопнул по лавке:

— Ну ты, парень!

— Сам виноват, а еще и на сына срываешься? — Ян Сы бросила на него сердитый взгляд, а затем, подумав, сказала Цзян Чэню:

— Купи папе молока, с коричневым сахаром, ему после операции нужно кровеполнение.

— Жена, операция была больше месяца назад.

— Все равно нужно.

Цзян Чэнь послушно кивнул, помахал родителям рукой и развернулся, чтобы уйти.

Цзян Чжо фыркнул:

— Этот парень, в детстве он хранил наши мужские секреты, а теперь вырос и научился ябедничать.

— Какие секреты?

Ян Сы села рядом с ним:

— Это тот секрет, когда ты хотел посмотреть фильм, сказал, что берешь сына на мультфильм, но так увлекся, что оставил его у продавца попкорна, и он объелся до больницы? Или тот, когда ты учил его кататься на велосипеде, но сам ушел рыбачить, и он чуть не упал в реку, а ты вернулся в другой одежде и сделал вид, что ничего не произошло?

— Это было так давно, но... как ты знаешь?

— Ты забыл, что твой сын в детстве любил делать больше всего?

Цзян Чжо замялся:

— ...Рассуждать?

Ян Сы кивнула:

— Твой сын в детстве не только любил серьезно рассуждать, но и приводил примеры, чтобы усилить свои аргументы.

Цзян Чжо умолк.

Цзян Чжо сменил тему:

— Мне в больнице было очень скучно, теперь я могу ходить с костылями, так что, может, в эти выходные мы всей семьей устроим пикник в ближайшем парке? Наш семейный ритуал должен продолжаться.

— Снова хочешь выпить?

Цзян Чэнь остановился на мгновение, через несколько секунд не сдержал улыбки и, постепенно удаляясь от приглушенных голосов, вышел из реабилитационного центра.

Реабилитационный центр и стационар были разделены садом. Чтобы выйти из больницы, нужно было пройти через сад и длинный коридор, обогнув амбулаторию.

Цзян Чэнь неспешно шел по саду, в его голове всплывали картины детства, которые он считал размытыми, но они оказались невероятно четкими. Воспоминания о семейных поездках, парках аттракционов, музеях, кинотеатрах, пикниках...

С начальной школы почти каждые выходные родители брали его с собой, даже если это была

просто прогулка по улице без покупок, а затем совместный обед.

Цзян Чжо говорил: это был ритуал, семейный ритуал.

Этот ритуал продолжался с тех пор, как Цзян Чэнь начал помнить себя, и до первого полугодия второго года старшей школы, пока его не прервала авария. С тех пор он больше не возобновлялся.

После первой жизни в бесчисленные выходные Цзян Чэнь закрывался в общежитии или на работе, позже, в эпоху космических путешествий, где дни больше не делились на недели, он продолжал работать по пять дней и два дня допоздна, что даже стало его странной привычкой.

Теперь же семейный ритуал, казалось, снова мог возобновиться.

Цзян Чэнь стоял на середине арочного моста, опираясь на каменные перила, и смотрел на карпов, плавающих в пруду. Солнечный свет отражался в воде и на чешуе рыбок, создавая блики, столь же яркие, как улыбка, играющая в уголках его глаз и губ.

Внезапно разговор нарушил тишину этого уголка.

— ...Единственный сын семьи, ты знаешь, если ты не возьмешь эту операцию, он ничего не сможет сделать, но мне действительно будет трудно объяснить, Фэньюэ. Подумай обо мне, дяде Ян, мне как директору тоже нелегко.

— Дядя Ян, я помню, мы договорились.

Цзян Чэнь сразу узнал голос Ши Фэньюэ, такой же спокойный и безэмоциональный, как всегда, но он был удивлен, что другой человек, судя по всему, был директором.

— Да, когда ты пришел в больницу, я согласился, что, кроме регулярных приемов, ты сам будешь решать, какие операции брать, и до этого я никогда не вмешивался. Но это другое дело, его статус другой. Успех операции пациента из палаты 506 привлек внимание нескольких известных профессоров ортопедии в Городе Янь, они теперь говорят о тебе с восторгом. Его семья именно поэтому настаивает, чтобы ты провел операцию, более того, они пригласили группу экспертов, чтобы помочь тебе. Если эта операция пройдет успешно, ты не только прославишься, но и для больницы это будет...

— Не нужно продолжать, дядя Ян, я не хочу брать эту операцию.

— Ты не хочешь, но я должен заботиться о больнице, Фэньюэ. Пожалуйста, ради меня, дяди Яна, который растил тебя, согласись на этот раз. Я умоляю тебя, ради своей чести.

Ши Фэньюэ спокойно ответил:

— Я не могу общаться с их семьей.

— Их семья... — Директор Ян замолчал на мгновение, затем сказал:

— Я помогу тебе с общением, я сделаю так, чтобы они...

Ши Фэньюэ прервал его:

— Дядя Ян, ты меня знаешь.

Ветер шелестел листьями, и в его шуме раздался тихий вздох, за которым последовали шаги, постепенно удаляющиеся.

Цзян Чэнь сел на каменные перила, повернув голову, и встретился взглядом с Ши Фэньюэ, вышедшим на дорожку.

Ши Фэньюэ взглянул на него с легкой отстраненностью, как бы приветствуя, и развернулся, чтобы уйти в другую сторону.

Цзян Чэнь окликнул его:

— Почему ты взял операцию моего отца?

Ши Фэньюэ остановился, повернул голову и, несколько секунд смотря на него спокойным взглядом, тихо произнес:

— А почему ты мне поверил?

Цзян Чэнь не понял, но Ши Фэньюэ, казалось, внезапно заинтересовался, развернулся и подошел к нему.

— С того момента, как ты узнал мое имя, ты проявил ко мне абсолютное доверие. Мне любопытно, откуда оно взялось. Из-за моего имени? Или из-за моего опыта? Но мой опыт, хотя и впечатляет, не уникален, в стране есть множество врачей более опытных и талантливых, чем я. Я только вернулся в страну, у меня нет ни славы, ни опыта операций, но ты доверился именно мне.

Ши Фэньюэ остановился перед Цзян Чэнем, наклонился и пристально посмотрел ему в глаза:

— Скажи мне, почему ты мне доверяешь.

Его зрачки были черными и яркими, длинные густые ресницы отбрасывали тень на его глаза, скрывая отражение юноши, а резкий взгляд словно заключил его в пространство, из которого невозможно было скрыться.

Цзян Чэнь слегка отклонился назад, опустил веки, а через несколько секунд внезапно поднял взгляд и сказал:

— Так вот почему ты взял операцию моего отца... и почему ты отказываешься от операций для других.

<http://bllate.org/book/16728/1538572>